

УДК: 94; 327; 355.4

### АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ КОНФЛИКТ 1812 г. И НАЧАЛО ВТОРОЙ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

© 2013 г. **М.О. Трояновская\***  
*Московский государственный университет  
им. М.В. Ломоносова*

*В статье анализируются причины, позволившие администрации президента Дж. Мэдисона решиться на начало военных действий против Великобритании летом 1812 г. Автор рассматривает место США в наполеоновских войнах с точки зрения теории баланса сил.*

**Ключевые слова:** *Мэдисон, эмбарго, баланс сил, наполеоновские войны, «военные ястребы».*

Вспыхнувшая в июне 1812 г. англо-американская война, начавшаяся по инициативе правительства США, не только подвела итог первому крупному этапу в истории молодой республики, но и совпала по времени с финальным аккордом кровавой эпохи, известной как наполеоновские войны. В то время как французский император начал военную кампанию против России, окончившуюся поражением французов, Великобритания оказалась в состоянии вооружённого конфликта с США.

Для американцев эта война стала первым масштабным военным конфликтом в их истории после Войны за независимость (1775–1783 гг.). В течение почти трёх десятилетий, разделявших эти события, усилиями американских лидеров складывались и развивались принципы, составлявшие основу их внешнеполитической стратегии, которая всё это время помогала избегать участия в острейших коллизиях, сотрясавших Старый Свет. Однако наступил момент, когда администрация США не только не захотела и дальше уклоняться от открытого вооружённого столкновения с бывшей метрополией, но и сама инициировала переход латентного конфликта в фазу боевых действий. Естественно, возникает вопрос: в чем причина подобной метаморфозы?

В исторической науке англо-американскую войну 1812 г. нередко называют второй войной за независимость, ибо, с точки зрения политической элиты США, Великобритания в течение ряда лет всячески стремилась ущемить суверенитет молодого государства и поставить под сомнение его экономическую дееспособность. В обращении к Конгрессу 1 июня 1812 г. президент Мэдисон

---

\* ТРОЯНОВСКАЯ Мария Олеговна – кандидат исторических наук, ведущий сотрудник кафедры Новой и новейшей истории МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: mashatrov@gmail.com

привёл четыре главные причины объявления Соединёнными Штатами войны Великобритании: 1) захват моряков и товаров с американских судов; 2) блокада портов США; 3) серия мер, ограничивавших внешнюю торговлю бывших колоний; 4) подстрекательство индейцев к военным действиям против американских поселенцев.

Однако дебаты в обеих палатах Конгресса в 1811–1812 гг., а также само голосование по вопросу об объявлении войны позволяют сделать вывод о том, что не последнюю роль сыграло желание администрации положить конец внутрипартийным разногласиям накануне президентских выборов 1812 г. и – это самое главное – стремление Вашингтона к территориальной экспансии в северном и северо-западном направлении. Речь шла об аннексии Канады.

Мэдисоновская администрация не сомневалась, что в случае успеха канадская кампания не только ослабит внешнеполитические и военные позиции Великобритании, но и поможет США получить серьёзные преимущества в проведении активной внешней политики и укрепит их статус на всём Североамериканском континенте. В конечном счёте США намеревались распространить своё влияние на весь Новый Свет. Окончательно вышеуказанная тенденция оформилась в 1823 г. в «доктрине Монро».

Таким образом, события 200-летней давности стали важным элементом долгого процесса формирования внешнеполитической стратегии США, многие компоненты которой и сегодня воздействуют на курс Вашингтона на международной арене.

## Дискуссии

Англо-американской войне, в том числе анализу её причин, в американской исторической литературе посвящено множество работ. Следует, прежде всего, выделить монографию Дж. Пратта, которая оказала большое влияние на последующие поколения американских историков [24]. Главный аргумент Пратта о том, что стремление представителей южных и западных штатов к территориальной экспансии было основной предпосылкой войны, долгое время превалировало. Благодаря работам Б. Перкинса об англо-американских отношениях с 1805 до 1812 г., Р. Брауна – о кризисе в Республиканской партии накануне войны, Р. Хорсмана – о важности внешнеторговых и военно-морских факторов в предвоенный период, а также Л. Каплана – о треугольнике противоречий между Англией, Францией и США, палитра причин указанного конфликта значительно расширилась [23; 8; 13; 14].

С. Ваттс и Р. Стюарт в своих работах рассматривали англо-американский конфликт в ещё более широком контексте, выдвигая тезисы о том, что ко времени начала войны США находились в процессе избавления от ценностей XVIII века, а попытка захвата Канады представляла собой не что иное, как «защитный экспансионизм» (*defensive expansionism*), т.е. желание обезопасить себя от европейского присутствия на Североамериканском континенте [32; 29]. Интересен и взгляд автора вышедшей в 2012 г. монографии Т. Бикхэма на причины войны, который сводится к тому, что англо-американский конфликт – это, прежде всего, столкновение самосознания двух стран. Не уверенные в себе Соединённые Штаты стремились доказать свою состоятельность

в качестве суверенного государства, Великобритания же своими действиями по отношению к бывшим колониям хотела «поставить их на место» [6].

При всей достаточности вышеприведённых аргументов решение США объявить войну Англии вряд ли можно объяснить только теми целями, которые традиционно стояли в повестке дня молодой республики. Ведь все проблемы были так или иначе актуальны для американцев в течение ряда лет и, тем не менее, не приводили к началу военных действий. Более реалистичным представляется стремление не только и не столько проанализировать причины войны, сколько объяснить, почему война началась летом 1812 г., а не раньше и не позже.

Представляется, что здесь важную роль сыграла международная ситуация, сложившаяся к лету 1812 г., то место США в европейской войне с точки зрения теории баланса сил, весьма популярной в то время. С самого начала существования независимого государства американские политики пристально следили за тем, что происходит в Старом Свете, ибо оттуда исходила главная угроза их суверенитету. Кроме того, поищем ответ на вопрос, задумывалась ли канадская кампания исключительно с целью расширения территории страны или же у американских лидеров существовали относительно захвата Канады и другие планы, связанные с отстаиванием и укреплением позиций США на международной арене.

Как и три его предшественника, президент Мэдисон сразу же заявил о своей приверженности политике нейтралитета в отношении событий в Европе. В его инаугурационной речи 4 марта 1809 г. говорилось о том, что США были настроены скрупулёзно «соблюдать свои нейтральные обязательства» [7, р. 23-25; 21, vol. 1, р. 16]. При этом Мэдисон, как и Джефферсон, не сомневался, что главная опасность для США исходила от бывшей метрополии и был убеждён, что его мнение разделяет большая часть страны, в особенности юг и запад. Даже «расчётливый коммерческий дух Новой Англии», писал Мэдисон 14 марта 1809 г. Э. Герри, вскоре ставшему вице-президентом, должен осознавать плюсы «торговли со всеми странами за исключением Великобритании в ущерб её (Великобритании. – *М.Т.*) рынкам» [34].

Вскоре, правда, представилась возможность смягчить противоречия между США и Англией. Министр иностранных дел Р. Кэслри уполномочил Д. Эрскина, нового английского поверенного в делах в Вашингтоне, пообещать американцам пойти на существенные уступки, если те обеспечат запрет на торговлю с Францией и официально признают «правило 1756 г.»<sup>\*</sup>. Понимая, что эти требования совершенно не приемлемы для американцев, Эрскин решил по собственной инициативе их смягчить. Мэдисон же воспринял сговорчивость англичанина как подтверждение правильности курса на экономическое принуждение. «Письма от отдельных лиц в Англии не оставляют сомнений в том, что наша настойчивость в проведении политики эмбарго сработала», – писал Мэдисон Джефферсону [21, vol. 1, р. 107].

---

<sup>\*</sup> Правило 1756 г. [the Rule of 1756] предусматривало запрет на торговлю нейтральных стран в военное время и полное прекращение колониальной торговли, если она производится через американские порты.

Президент и госсекретарь Смит договорились с Эрскином о возобновлении торговли с Англией и полном прекращении коммерческих отношений с Францией и её колониями. 18 апреля 1809 г. между США и Великобританией было заключено «предварительное соглашение» до приезда из Лондона официального представителя для разработки условий окончательного договора. Обнадеженный Мэдисон на следующий же день выступил с заявлением, в котором говорилось о готовности Англии отменить указы Тайного совета\* и возобновить торговлю с бывшей метрополией. В Лондоне узнали о «предварительном соглашении» 21 мая 1809 г., тотчас же объявили его недействительным и отозвали Эрскина, заменив его на менее симпатизирующего Соединённым Штатам Ф. Джексона [21, vol. 1, p. 125-126; 15, p. 492-493].

Остаётся гадать о причинах наивности и самоуверенности 4-го президента США, но факт состоит в том, что он абсолютно верил в эффективность методов экономического принуждения. Причём ему казалось, что торговые интересы воюющих держав неизбежно заставят их хоть и косвенно, но учитывать интересы американской республики. Также очевидно, что Мэдисон, как и многие его соотечественники, преувеличивал значение собственной страны, её вес в системе международных отношений и место в общем контексте беспрецедентных по своему масштабу наполеоновских войн.

Фиаско, постигшее соглашение с Эрскиным, отбросило англо-американский конфликт далеко к его началу, выставив администрацию Мэдисона в весьма неприглядном виде. Всё больше членов Конгресса настаивали на прекращении «экономической дипломатии». Как образно выразился самый молодой в истории США спикер Палаты представителей Г. Клей в феврале 1810 г., «я предпочитаю штормящий океан войны, неизбежной для сохранения чести и независимости нашей страны, мутному болоту унижительного мира» [22, vol. 1, p. 449].

Президент Мэдисон, тем не менее, по-прежнему изо всех сил противился не только началу военных действий, но и приготовлениям к ним. Период времени до осени 1811 г. характеризуется цепью неудачных попыток его администрации наладить экономико-дипломатическими методами отношения и с Англией, и с Францией.

Тем временем не только Великобритания, но и Россия скорректировали свою внешнеполитическую деятельность в направлении, не соответствующем американским интересам. В 1809 г. Лондон прекратил блокаду германских государств и портов Балтики, оставив в силе указы Тайного совета по отношению к Франции и её союзникам. И Россия под давлением дворянства начала постепенно пропускать в российские порты английские корабли. Отношения Франции с Россией стремительно ухудшались, а царь Александр I всё в большей степени склонялся к союзу с Англией.

На фоне этих подвижек в мировой политике неприязнь мэдисоновской администрации к бывшей метрополии только усиливалась. В мае 1810 г. президент писал У. Пинкни: «С каждым днем становится всё более очевидным, что

---

\* Первые указы Тайного совета (*Orders-in-Council*), в соответствии с которыми блокировались все порты, куда не заходили британские корабли, вышли в 1793 г., т.е. с началом войны против Франции.

в британском правительстве преобладает чувство враждебности к нашей стране, которое в течение настоящего правления не исчезнет, кроме как в результате сильнейшего давления со стороны» [17, vol. 1, p. 477].

Не вызывает сомнений, что под «давлением со стороны» американский президент прежде всего имел в виду военные успехи Наполеона.

По мере того как цели и интересы Вашингтона и Парижа, казалось бы, всё в большей степени совпадали, критические выступления членов Конгресса по поводу нерешительной внешней политики Мэдисона возрастали.

На первой сессии Конгресса 12-го созыва в пользу объявления войны Великобритании выступили «молодые республиканцы», представлявшие собой новое объединение в правящей партии. Получив кличку «военные ястребы» в силу своей крайней агрессивности и экспансионизма, они к середине 1811 г. выдвинулись на видные позиции в Конгрессе. Конгрессмен Г. Клей из штата Кентукки стал спикером Палаты представителей, Дж. Кэлхун (Южная Каролина) и Ф. Грунди (Теннесси) входили в комитет Палаты представителей по иностранным делам, который возглавлял П. Портер (штат Нью-Йорк). Среди лидеров этой группы необходимо также упомянуть У. Кроуфорда (Джорджия), У. Лаундса, Л. Чивса и Д. Уильямса (Южная Каролина) и Р. Джонсона (Кентукки). Всем им предстояло сыграть ведущие роли в разворачивавшейся борьбе; каждый из них оставил больший или меньший след в американской истории. Впоследствии судьба развела их, забросив в ряде случаев в противоборствующие лагеря, но в тот период они выступали как достаточно монолитная сила, цементирующей основой которой был экспансионизм.

Основы мировоззрения «молодых республиканцев» сформировались, конечно, не сразу. Однако общие контуры взглядов этой группировки просматривались довольно отчётливо уже в 1811 г., когда Г. Клей произнёс свою первую знаменитую речь в пользу военных действий. «Великий мастер компромиссов», как вскоре окрестили Клея, в частности заявил: «Завоевание Канады в пределах наших возможностей... Если попытки урегулировать конфликт с Великобританией мирными способами потерпят поражение, я первым выступлю за применение военной силы» [22, vol. 1, p. 448-452].

Можно говорить об очевидной эскалации англо-американского конфликта начиная с первой сессии Конгресса 12-го созыва, собравшегося по настоянию президента на месяц раньше положенного срока, 4 ноября 1811 г. Обстановка в стране была в высшей степени накалена, однако в связи с отсутствием единства в обществе относительно того, как следует действовать в сложившейся ситуации, все ждали выступления президента [25]. И действительно Мэдисон уделил особое внимание теме сохранения чести и достоинства страны, заявив, что указы Тайного совета Англии есть показатель её желания «растоптать американский флаг» и «унизить достоинство граждан США». Заканчивалось обращение президента рекомендациями начать военные приготовления [34, vol. 8, p. 158-162].

### **Подготовка к войне**

Хотя, по мнению федералиста Дж. Квинси, «военные ястребы» и были разочарованы, большинство американцев восприняли обращение президента как начало более определённой политики, достойной суверенного государства. Вот

характерные высказывания в печати того времени: «Мы боролись за наше существование; теперь же нам предстоит бороться за наши права»; «Президент «зажёг яркий и священный факел»: он выполнил свой долг, дело теперь за Конгрессом и всем народом» [11, 8.11.1811; 20, 7.11.1811].

Несмотря на то что степень готовности перейти к военным действиям варьировалась среди членов Конгресса (некоторые из них, одобрив обращение президента, рассчитывали, что оно «отрезвит» британцев и заставит их, по крайней мере, отменить указы Тайного совета), именно «военные ястребы» дирижировали настроением народных избранников. В целом его можно охарактеризовать словами сенатора Дж. Кемпбелла: «Мы слишком долго испытывали чувство национального унижения» [23, р. 347].

Однако когда дело дошло до выработки законопроектов, касающихся военных приготовлений, то выяснилось, что выполнить рекомендации президента и собрать армию из волонтёров сроком на три года не так-то просто. Исторически американцы полагались на активность «граждан-солдат», членов милицеских подразделений. Склонности к тому, чтобы оставить свои хозяйства в пользу военной карьеры, американцы явно не проявляли. После многодневных дебатов и только удостоверившись в том, что речь идёт исключительно о времени, когда (и если) война в реальности начнётся, Конгресс проголосовал за законопроект, выдвинутый сенатором-республиканцем У. Джайлсом, об организации сухопутной армии из 25 тыс. человек [3, р. 35-97, 596-691].

Обсуждение законопроекта о расширении флота прошло с ещё большими затруднениями и в результате ни к чему не привело. Многие законодатели-республиканцы, в том числе и «военные ястребы», не возражая против усиления флота как такового, считали, что выдвинутый Л. Чайвсом законопроект, предполагавший строительство 12-ти линейных кораблей и 20-ти фрегатов, не перспективен. Основные доводы против законопроекта сводились к тому, что, во-первых, строительство займет слишком много времени, чтобы успеть напугать Великобританию и таким образом избежать военных действий; и, во-вторых, попытки угрожать флоту «владычицы морей» не имели никаких шансов на успех. В итоге 27 января 1812 г. законопроект был провален в Палате представителей [3, р. 803-1005].

Ещё труднее проходило обсуждение вопроса о финансовом обеспечении войны. 10 января 1812 г. министр финансов Галлатин направил свои предложения по поводу налогообложения председателю бюджетного комитета Палаты Э. Бейкону. Среди них значились удвоение налогов на импорт, налог на соль и введение гербового сбора. Конгрессмены, учитывая настроения граждан, настаивали на том, чтобы отложить «военное налогообложение» до начала военных действий. Как справедливо заметил сенатор Дж. Байард, «введение новых налогов – истинная проверка... Только когда большинство (членов Конгресса, – *М.Т.*) поддержит предлагаемое налогообложение, я поверю в их искреннюю решимость воевать» [23, р. 366]. После дебатов, продлившихся около месяца, и спустя почти четыре месяца после открытия сессии Конгресса, Палата представителей одобрила, наконец, законопроект по налогообложению простым большинством голосов [3, р. 1118-1127]. Причём одобренный законопроект не сразу вступил в силу. Действительное увеличение налогообложения произошло даже не после начала военных действий, а несколькими месяцами позже.

Вышеизложенное позволяет утверждать: хотя настроения в пользу начала военных действий, безусловно, усиливались на протяжении семи с лишним месяцев между стартом Конгресса 12-го созыва и провозглашением военной декларации, но даже решительно настроенные его члены не спешили предпринимать все возможные меры для обеспечения максимальной боеспособности страны. Отчасти это было связано с тем, что США предстояло самим инициировать вступление в первую в своей жизни войну с иностранной державой и, к тому же, с полным отсутствием подобного рода опыта у большинства законодателей. К тому же вплоть до самого начала войны было непонятно, только ли Англия является основным врагом Соединённых Штатов и, соответственно, как следует себя вести по отношению к наполеоновской Франции. Эта дилемма постоянно преследовала Мэдисона и часто была предметом письменного обмена мнениями между ним и Джефферсоном [34, vol. 8, p. 191; 36, vol. 13, p. 153-154].

На фоне неэффективности всех мер администрации по отношению к Англии и Франции, Мэдисон решил прибегнуть к весьма рискованному способу воздействия на настроения сограждан: весной 1812 г. в прессе появились письма некоего Генри. Ирландец Джон Генри, ставший секретным агентом канадских властей, после принятия эмбарго поселился в Бостоне, чтобы следить за настроениями жителей города и определять степень недовольства законом в среде новоанглийских федералистов. Дж. Генри, к своему сожалению, лишь убедился в том, что как политическая элита, так и рядовые граждане ненавидели введённое эмбарго и его вдохновителя президента Джефферсона – факт, для получения которого достаточно было просто почитать местную прессу. Получив за свои труды гораздо меньшую сумму, чем ту, на которую он рассчитывал, секретный агент проследовал в Вашингтон и, получив отказ французского посланника Л. Серюрье, купить «конфиденциальную информацию», обратился с предложением о сотрудничестве к Монро. Президент и госсекретарь, понадеявшись, что ирландец предоставит сведения о заговоре между англичанами и новоанглийскими федералистами, согласились заплатить шпиону 50 тыс. долл. за компромат на своих политических противников. Вскоре так называемые письма Генри появились в печати [9; 23, p. 367-372]. Публикация вызвала переполох среди федералистов и хотя непосредственных доказательств их преступной деятельности обнаружено не было, сомнительная публикация определённо повлияла на общественное мнение в пользу войны с Англией.

После того, как в конце мая американский фрегат «Хорнет» (*Hornet*) вернулся из Европы, не принеся никаких известий о послаблении британских или французских мер против США, на пути к войне был сделан последний шаг. Как говорилось в газете «Нэшнл интиллидженсер» настало время решительных действий против Англии, главного врага США [20; 25, 30.05.1812].

Когда 18 июня 1812 г. Конгресс, наконец, объявил войну бывшей метрополии\*, в США ещё не знали и не могли знать, что по иронии исторической

---

\* Объявлению войны предшествовало обращение Мэдисона к Конгрессу 1 июня о необходимости начала военных действий. Палата представителей 4 июня приняла соответствующую резолюцию 79 голосами против 49. Сенату, в котором позиции федералистов были значительно сильнее, потребовалось несколько дней, чтобы одобрить резолюцию 19 голосами против 13.

судьбы Лондон двумя днями раньше отменил указы Тайного совета, устранив, таким образом, одну из основных причин начала военных действий со стороны США. Однако средства связи, которыми располагали политики того времени, не позволили англичанам известить американцев о решении лорда Кэслри, министра иностранных дел Великобритании. Попутно заметим, что спустя два с лишним года расстоянию, разделявшему столицы воюющих государств и в плане связи, и в плане времени, снова доведётся сыграть судьбоносную роль при выработке условий мирного договора.

Анализ голосования в Конгрессе по поводу объявления войны доказывает, что в пользу начала военных действий выступили аграрии запада и юго-запада, в то время как и среднеатлантические штаты и штаты Новой Англии проголосовали против. При этом западные аграрии не раз обвинялись в том, что они «упаковали своё эгоистичное желание «закатать Канаду в американский флаг», громко и неискренне разглагольствуя о нейтральных правах (на внешнюю торговлю. – *М.Т.*)» [4, р. 135].

### **Захватить Канаду**

Между тем, помимо соображений экспансионистского характера, все в большей степени укреплявшихся в сознании американцев после сенсационного присоединения Луизианы к США, нежелание продолжать соседство с бывшей метрополией на Североамериканском континенте имело и другое объяснение. Длительные европейские войны, в результате которых многие колониальные владения стран Старого Света в Америке неоднократно переходили из рук в руки, делали США их невольным участником. Исход же противоборства Наполеона Бонапарта с Англией и её союзниками грозил непосредственным образом отразиться на государственных интересах США. С этой точки зрения нападение Соединённых Штатов на Канаду было в определённой степени неизбежным шагом, тем более что подобные попытки имели место ещё в колониальный период (речь идёт о провалившейся Квебекской кампании 1775 г. генералов Р. Монтгомери и Б. Арнольда). На этапе войны США за независимость Канада часто фигурировала в мыслях «отцов-основателей» в качестве 14-го штата – если не в реальности, то в недалёкой перспективе. Показательна фраза из письма Дж. Адамса от февраля 1776 г.: «Единогласное мнение всего континента (речь, по-видимому, идёт о делегатах Второго Континентального конгресса. – *М.Т.*) сводится к тому, что Канада должна быть нашей». Кузен Дж. Адамса, патриот-демократ С. Адамс выразился ещё более прямолинейно: «Мы не будем твёрдо стоять на ногах, пока Британия не отдаст то, что нам по праву принадлежит или пока мы сами не отнимем Канаду» [31, vol. 3, p. 476; 16, vol. 3, p. 476].

Подобного рода настроения были весьма распространены среди американцев в течение всего периода ранней истории США, а в преддверии англо-американской войны 1812 г. нападение на Канаду многим представлялось единственным (помимо не оправдавшей себя политики торговых ограничений и переговоров) реальным способом воздействия на Великобританию. За год до начала войны подготовка к канадской кампании приобрела подлинную актуальность.

В 1811 г. в отчёте комитета по иностранным делам Палаты представителей говорилось, что «выступавшие в пользу объявления войны с Англией открыто заявили о своих притязаниях на британскую Канаду» [24, р. 50-51]. На первой



сессии Конгресса 12-го созыва пять «военных ястребов» решительно высказались в пользу захвата новых территорий. Вырабатывалась и соответствующая аргументация в поддержку этих планов. Например, указывалось на то, что «британские владения в Северной Америке необыкновенно ценны сами по себе», и если бы удалось ими завладеть, американцы «смогли бы быстро отплатить Великобритании за те препятствия, которые она в течение долгих лет чинила внешней торговле» США. В другом описании преимуществ, которые американские поселенцы смогли бы получить в результате победоносной войны, говорилось: «С Англией, потерявшей опорные точки на нашем континенте, нам будет легче бороться и в сфере нашей заморской торговли» [3, р. 424-426]. Одной из основных причин экспансии приводилась «индейская проблема»: «Успешная война будет гарантией того, что Великобритания не сможет дальше подстрекать индейские племена против нас» [3, р. 643].

Озабоченность американцев «индейской проблемой» особенно возросла именно в 1811 г., после битвы при Типпекано между американцами и индейцами под предводительством легендарного Текумсе, произошедшей незадолго до открытия Конгресса 12-го созыва. Успехи индейцев были восприняты как ещё одно подтверждение существования англо-индейского заговора против американских поселенцев. Поскольку оружие Текумсе поступало через Канаду, мысль о её аннексии стала чрезвычайно популярной в США.

Надо отметить, что в предвоенное время никто из американских общественных деятелей не призывал к захвату канадских территорий исключительно из желания увеличить территорию США: все законодатели прикрывали свои экспансионистские устремления либо политическими, либо экономическими, либо моральными мотивами. Некоторые из них руководствовались соображениями как географического, так и теологического характера: «Воды Св. Лаврентия и Миссисипи сливаются в ряде мест, поэтому несомненно, что Великий распорядитель хотел, чтобы эти две реки принадлежали одному народу» [3, р. 458]. Или: «Всевышний определил наши северные границы районом вечной мерзлоты для нашего удобства и безопасности» [3, р. 648]. Жители западных регионов, агитируя в пользу захвата Канады, руководствовались желанием устранить конкурентов – английских купцов в торговле пушниной, в то время как торговцы Новой Англии стремились к неограниченному обладанию всем Северо-восточным побережьем для развития рыболовецкой индустрии.

Интересно, что именно в период, предшествовавший началу англо-американской войны, получила широкое распространение дискуссия об «исключительных правах» США на обладание Северной Америкой. Тот же Р. Джонсон в унисон с джефферсоновской идеей «об империи свободы» призывал соплеменников «предоставить свободу... поработённым канадцам» [3, р. 657]. Американский посланник в России Дж. Квинси Адамс писал в 1811 г. отцу, Джону Адамсу, второму президенту США: «Я полагаю, Святым провидением предначертано, чтобы весь континент Северной Америки был населён одним народом» [5, р. 182].

Нападение на Канаду приобретало для американцев особую актуальность в связи с развитием событий в Европе. К середине 1811 г. Наполеон Бонапарт принял решение вторгнуться в Россию. Дж. Квинси Адамс, давно предвидевший такой исход раздумий французского императора, 26 мая 1811 г. писал в

этой связи госсекретарю о выборе, который должны были вскоре сделать Соединённые Штаты: либо «держатъ нейтралитетъ какъ можно дольше, либо вступить в войну, поддерживая одну из воюющихъ сторонъ». Сам Адамс склонялся к первому варианту, так как опасался, что открытое вмешательство США в англо-французский конфликт на стороне Наполеона может оказаться пагубным для страны. Одновременно в том же письме Адамс отмечал, что, в случае удачи русской кампании Наполеона, бывшая метрополия – Великобритания может оказаться в бедственном экономическом положении. Если балтийские порты окажутся снова для неё закрытыми, она утратит всякий доступ к европейским рынкам и вынуждена будет рассчитывать исключительно на Канаду для получения сырья – леса и пеньки [35, vol. 4, p. 83-88]. Сходные мысли высказывал в апреле 1811 г. в письме Джефферсону президент Мэдисон, считавший, что начало франко-русской войны может предоставить для США возможность заставить Англию удовлетворить претензии американцев [17, vol. 2, p. 493-494; 11, 3.11.1811]. Причём, в отличие от Джефферсона, оптимистично полагавшего, что захват Канады будет представлять собой «лишь вопрос времени» [36, vol. 9, p. 365], Мэдисон склонен был считать, что можно было бы «ограничиться *нападением* (курсив мой. – *М.Т.*) на Канаду без её присоединения, как наиболее эффективным способом надавить на Великобританию». Аналогичную точку зрения высказал и Дж. Монро, подчёркивавший, что вторжение на территорию Канады «будет не самоцелью, а средством заставить Лондон подчиниться американским требованиям» [19].

Действительно, как показывают дебаты в Конгрессе, а также анализ прессы предвоенных лет, многие из американцев, выступавших за нападение на Канаду, не имели в виду обязательно её аннексировать, а рассматривали захват британских территорий в Северной Америке как «разменную монету» в последующих переговорах с английским правительством. И «Инквайер», и «Вирджиния аргус», и «Уикли реджистер», и многие другие газеты неоднократно высказывались в пользу захвата Канады именно как средства воздействия на Лондон, а не только и не столько для увеличения территории США. Главный редактор «Инквайер» Г. Ритчи резонно указывал летом 1811 г., что «об аннексии Канады не может быть и речи», так как в этом случае американцы рисковали бы вызвать враждебность канадцев. При этом Ритчи считал, что необходимо было бы сделать заявление в адрес жителей Канады, гарантировавшее «абсолютную неприкосновенность их собственности, жилищ, свободы совести и т.д.» [11, 11.06.1811, 21.07.1811; 30; 33]. Вполне понятно, что если не прямая поддержка канадцами американцев, то, по крайней мере, их нейтралитет был необходим последним для успеха военной кампании.

Многие другие известные общественные деятели также высказывались против присоединения Канады. При этом некоторые из них руководствовались популярной «доктриной Монтескье», в соответствии с которой считалось, что любая республика для того, чтобы выжить, должна оставаться небольшой по размерам [8, p. 120]. Другие же опасались, что в случае присоединения Канады северные и северо-западные штаты получат преобладающее влияние в Конгрессе в ущерб южным штатам. Третья группа противников аннексии разделяла мнение Дж. Франклина из Северной Каролины, утверждавшего: «Видит

Бог, у нас и так достаточно земли или даже больше, чем мы реально сможем обработать» [3, р. 456].

Учитывая такую пестроту мнений, конгрессмены Дж. Харпер и Дж. Фиск выдвинули на рассмотрение Палаты представителей вполне нейтральную резолюцию, гарантировавшую канадцам абсолютную безопасность и неприкосновенность в случае их сотрудничества с войсками США. Об аннексии как таковой в резолюции не говорилось ни слова [3, р. 321-323]. Резолюция была поддержана такими влиятельными и воинственными республиканцами, как У. Кроуфорд, Дж. Кэмпбелл и У. Бобб, однако Сенат заблокировал документ в пользу ещё более дружелюбного по тону обращения в адрес канадцев со стороны президента\*. Таким образом, можно утверждать, что в процессе подготовки канадской кампании ни со стороны законодательной, ни со стороны исполнительной власти не было издано ни одного документа, в котором официально речь бы шла о возможной аннексии Канады.

Между тем республиканская пресса без всякого стеснения говорила об аннексии. В «Нэшнл интеллидженсер» в ноябре 1811 г. подчёркивалось, что если США не завладеют Канадой в ближайшем будущем, Великобритания «лишь посмеётся над попытками изгнать её из балтийских портов, так как у неё останется гораздо больше, чем европейские рынки сбыта» [20, 23.11.1811, 3.12.1811]. Судя по этой или другим выдержкам из американской прессы предвоенных лет, если речь и заходила об аннексии Канады, то предполагалось, что она должна быть произведена не столько в целях территориального расширения, сколько в качестве наиболее эффективного способа повлиять на позицию Великобритании на международной арене. Даже такие откровенные экспансионисты, как лидеры «военных ястребов» в Конгрессе, никоим образом не игнорировали этот аспект предполагаемого захвата Канады. Глава сенатского комитета по международным отношениям Портер почти за год до объявления войны доказывал, что Канада жизненно необходима для существования Великобритании, в значительной степени отрезанной от Европы из-за континентальной блокады [3, р. 17]. Конечно, это было явное преувеличение, ибо в августе 1811 г. Англия отнюдь не потеряла балтийских портов, но движимый геополитической логикой Портер предвосхитил ситуацию, которая могла сложиться в будущем и так это действительно и произошло в 1812 году.

Как видим, крупные американские политики не только учитывали развитие событий в Европе, но и старались их прогнозировать и использовать в интересах своей страны. Член комитета по иностранным делам сенатор Дж. Кэлхун, анализируя внешнеполитическую ситуацию в Старом Свете, утверждал: «Если мы сможем повлиять на баланс сил в Европе, то мы сможем настоять на условиях, соответствующих нашим правам» [3, р. 483].

### **Фактор России**

Надежды и расчёты американцев на успехи в отношениях с Англией напрямую зависели от успеха наполеоновской кампании против России. При этом немалое место в калькуляциях мэдисоновской администрации занимал и

---

\* Соответствующее обращение так и не было написано.

анализ внутривластной ситуации в бывшей метрополии. Большинство республиканцев полагали, что в случае отступления русских войск союзница Александра I Великобритания просто не переживёт объявления войны со стороны США. Сам президент, правильно считая, что политика правительства тори (премьер-министр С. Персиваль) была непопулярна в Великобритании, приходил к неверному выводу о неизбежности перехода власти в руки вигов во главе с лордом Гренвилем, как он об этом в апреле 1812 г. писал Джефферсону [18]. Не только президент возлагал большие надежды на смену кабинета министров в Англии. Дж. Монро писал Тэйлору за несколько дней до начала военных действий с англичанами: «Как только британская нация избавится от нынешнего руководства, наше согласие с ней будет достигнуто» [19, 13.06.1812]. Примерно в то же время и Джефферсон, оценивая перспективы находившихся у власти тори, в письме редактору «Нэшнл интеллидженсер» предполагал, что «одновременная утрата англичанами Балтики и Канады будет последним ударом для полной катастрофы их правительства» [12].

Забегая вперёд, можно утверждать, что большинство республиканских политиков и журналистов было настолько уверено в том, что победы Наполеона в Европе приблизят (если не обеспечат) уступки со стороны Англии, что даже неудачи американских войск во второй половине 1812 г. не смогли сокрушить их оптимизма. Газеты «Истерн Аргус» от 19 ноября и «Индепендент кроникл» от 3 декабря 1812 г. предрекали победу Наполеона в России как своего рода косвенную гарантию поражения Англии.

Принимая во внимание заинтересованность американского правительства в успехах Наполеона, было бы, тем не менее, неправильно утверждать, как это делали федералисты и англичане, что Мэдисон специально приурочил объявление войны Великобритании к нападению Наполеона на Россию. Хотя оба этих события и произошли с интервалом всего лишь в несколько дней, степень понимания Мэдисоном международной ситуации в целом не стоит преувеличивать. Более того, президент не знал и не мог знать с точностью до недели (учитывая тогдашние средства связи), когда именно Наполеон начнёт вторжение в Россию. Поэтому не без основания президент отрицал, что следовал «воле» Франции, объявляя войну Великобритании.

Факт, тем не менее, остаётся фактом: на заключительном этапе наполеоновских войн Франция и США воевали против Англии, автоматически ставшей их общим врагом. Все известные обстоятельства начала англо-американской войны дают нам право утверждать: планируя свои внешнеполитические акции, администрация Мэдисона в значительной степени руководствовалась развитием событий в Европе. Более того, как считал Дж. Квинси Адамс, объявление войны Великобритании именно в то время и при тех обстоятельствах невольно вовлекало США «в орбиту французской политики», и Мэдисон наверняка отдавал себе в этом отчёт [35, vol. 4, p. 258]. Гораздо позже, в феврале 1827 г., он признавал, что приветствовал успехи французов в 1812 г.: «Это был трезвый расчёт... Когда война сделалась неизбежной, стало очевидно, что Наполеон займёт всё внимание как России, так и её союзников, в том числе Великобритании, и последняя не сможет отвлекаться на войну с Соединёнными Штатами... Совпадение по времени между началом войны и экспедицией На-

полеона (в Россию. – *М.Т.*) обещало быть для нас максимально благоприятным» [34, vol. 2, p. 555].

Немногочисленные республиканцы, выступавшие против начала военных действий, были обеспокоены тем, что США, по словам конгрессмена Дж. Рэндолфа, «связывали себя и свою судьбу с цепью европейских событий, контролировать которые были не в состоянии» [3, p. 44].

Из приведённых высказываний следует, что многие американские политики отдавали себе отчёт в том, что руководство их страны в своей внешнеполитической деятельности исходит из обстоятельств, сложившихся в ходе наполеоновских войн, т.е. из изменившегося баланса сил в Европе. Интересна и показательна мысль, высказанная Т. Джефферсоном ещё в 1803 г.: «Ну и времена в Европе! Как впечатляющая битва между тиграми и львами! С каким же чувством следует взирать на неё стаду овец? Конечно же, без пристрастий. Если в результате им удастся уничтожить власть друг друга – в одном случае на море, в другом случае – на суше – мир сможет вздохнуть спокойно, пока они снова не наберутся сил» [36, vol. 10, p. 422]. При этом 3-й президент рассчитывал не просто уцелеть на фоне европейской войны, но и «нажиться на поединке» между странами Старого Света, приобретя новые территории и новые торговые уступки [36, vol. 8, p. 61].

Сформулировав таким образом идею баланса сил в свою бытность президентом, Джефферсон исходил из того, что национальные интересы США не предполагали вмешательства в европейский конфликт. С течением времени политика республиканской администрации в отношении Англии и Франции эволюционировала в пользу содействия – пусть и косвенного – военным планам Наполеона. И Джефферсон, и Мэдисон понимали, что ни одна, ни другая соперница не имеют в виду учитывать интересы США. После Трафальгарского триумфа англичан в октябре 1805 г. и победы французов при Аустерлице в том же году их соперничество переместилось в экономическую плоскость и стало непосредственно угрожать торговле нейтральной американской республики. Решение Джефферсона, а потом и Мэдисона отдать предпочтение в своих внешнеполитических решениях Франции связано, прежде всего, с тем, что она, продав американцам Луизиану и потеряв свой флот, представляла, с точки зрения республиканского руководства, несравнимо меньшую опасность для США, чем Англия.

Так или иначе, но в июне 1812 г., после долгих сомнений и поисков оптимальной формы поведения в сложной международной ситуации президент Мэдисон принял решение о начале военных действий против Англии.

Однако прежде, чем подводить итоги тем дебатам, которые предшествовали вступлению Соединённых Штатов в войну, хотелось бы остановиться ещё на одном эпизоде в этой достаточно драматичной и важной для будущего молодого государства истории. Речь идёт о попытке посредничества Александра I в военном конфликте между своей союзницей Великобританией и американской республикой. 18 сентября 1812 г., когда Москва полыхала огнём, канцлер Н.П. Румянцев направил П.А. Николаи, русскому посланнику в Англии, предписание сообщить британскому кабинету министров о готовности русского императора выступить посредником в переговорах между Вашингтоном и Лондоном. Тремя днями позже аналогичное предложение было сделано Дж.К. Адамсу, американскому посланнику в Петербурге. Мотивировка царя

была понятна: в момент острейшего противоборства с Наполеоном Россия была заинтересована в максимальной концентрации её союзницы Англии на европейском театре военных действий.

К тому времени, как предложение России дошло до Вашингтона, война обрела крайне нежелательную для американцев направленность, и правительство США встретило новость о возможности закончить войну как можно скорее с энтузиазмом [26, vol. 3, p. 1718]. Однако британский министр иностранных дел Кэслри категорически отверг идею о русском посредничестве, высказавшись в пользу прямых переговоров с американцами. При этом ни англичане, ни русские не сочли нужным сообщить американцам о новом повороте дел, и присоединившиеся к Адамсу в Петербурге на предмет ведения переговоров Галлатин и Байард продолжали ждать у моря погоды вплоть до конца 1813 г. под увещевания Румянцева о том, что попытки Александра I выступить посредником продолжаются и рано или поздно приведут к успеху.

Неудавшееся посредничество России в англо-американской войне до сих пор является предметом обсуждения как в американской, так и в отечественной исторической литературе. При этом если почти все авторы сходятся во мнении относительно первоначальных мотивов со стороны Александра I, то в оценке того, почему он упорно предлагал посредничество уже после того, как англичане отклонили его план прекращения конфликта, существуют определённые небезынтересные разногласия. Так, Н.Н. Болховитинов и Н. Сол считают, что русское правительство искренне стремилось к прекращению англо-американской войны ради скорейшей победы над Наполеоном и продолжало надеяться на успех своего посредничества [1; 27]. С.А. Исаев же убеждён, что, уверяя американцев в возможности начала переговоров при участии России, и Александр I, и канцлер Румянцев намеренно препятствовали началу прямых англо-американских переговоров и, таким образом, максимально затягивали войну [2]. Целью этой тактики была минимизация британского влияния на послевоенное устройство Европы, когда стало ясно, что победа России над Наполеоном неминуема. Эта точка зрения любопытна тем, что, по мнению Исаева, США уже в то время могли – хотя и косвенно – влиять на баланс сил в мировой политике.

Споры, которые вела американская политическая элита и общество в целом накануне войны, способствовали укоренению в политической культуре США понимания того, как важна экспансия для прогресса и безопасности их страны. Конечно, смысл самого понятия, отношение к тому, куда и как должна осуществляться экспансия, постоянно эволюционировали, но убеждённость в том, что США обязаны постоянно расширять сферу своего влияния прочно вошла в сознание американцев.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что уже тогда политические лидеры страны начали проводить черту между понятиями «экспансия» и «аннексия». Строя планы расширения американского влияния в Новом Свете, они далеко не всегда отождествляли этот процесс с присоединением всё новых территорий. Более того, апеллируя к модным теориям Монтескье, многие американцы ратовали за максимальную консолидацию внутри молодой республики, боясь, что она может раствориться в ходе ничем не лимитированного расширения границ страны. Но вот пропаганда американских ценностей, американского влияния на просторы всего континента всячески приветствовалась. Несмотря на то, что в то

время ещё не получило распространение понятие «мягкая сила» (*soft power*), многие государственные деятели уже тогда интуитивно понимали те преимущества, которые может дать экспансия, осуществляемая такими методами.

Обсуждение вопросов о выработке оптимального модуса взаимоотношений с бывшей метрополией показало, что несмотря на более или менее искреннее стремление дистанцироваться от хитросплетений европейской политики, американское руководство пристальным образом следило за теми политическими и военными коллизиями, которые сотрясали тогда Старый Свет и старались определить, как можно использовать эти события в интересах укрепления международных позиций США. Представляется бесспорным, что Мэдисон стремился увязать решение о начале войны с Англией с кульминацией военного противостояния в Европе.

Решившись на военные действия против Великобритании, администрация Мэдисона отошла от традиционно исповедуемой политики невмешательства в европейские конфликты. При этом правительством США двигали не только стремление к экспансии и безоглядный авантюризм, но и расчёт (хоть и оказавшийся ошибочным), основанный на анализе происходивших на европейском театре военных действий, внутривнутриполитической ситуации в Великобритании и международной обстановки в целом.

В результате Гентского мира, зафиксировавшего статус-кво, т.е. возвращение сторон на довоенные позиции (*status quo ante bellum*), ни Англия, ни США ничего не приобрели и не потеряли. Тем не менее, американцы не без основания называют войну 1812 г. второй войной за независимость. Им – несмотря на множество трудностей и лишений – удалось сохранить не только суверенитет своей страны, но и укрепиться на международной арене, вернув уважение граждан к своему правительству и к самим себе.

Не менее важно и то, что нормализация англо-американских отношений дала возможность Соединённым Штатам направить свои усилия в русло беспрецедентного экономического роста. Окончание наполеоновских войн, частью которых была и англо-американская война, и распад испанской империи в Новом Свете привели к возникновению нового миропорядка, при котором США предстояло играть гораздо более заметную роль.

### Список литературы

1. Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775-1867. М.: Наука, 1966. 626 с.
2. Исаев С.А. Попытка Российского посредничества в англо-американском конфликте 1812–1815 // Российско-американские отношения. Конец XVIII – начало XX в. Сб. статей. Материалы международной научной конференции «200 лет российско-американских отношений». М., 2008. С. 31–39.
3. Annals of Congress, 12 Congress.
4. Bailey T. A Diplomatic History of the American People. New York: F.S. Crofts & Co., 1940. 806 p.
5. Bemis S.F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. New York: Alfred A. Knopf, 1973. 588 p.
6. Bickham T. The Weight of Vengeance: The United States, the British Empire, and the War of 1812. Oxford: Oxford University Press, 2012. 352 p.
7. Brant James Madison, Commander-in-Chief. Indianapolis, 1961.

8. *Brown R.H.* The Republic in Peril: 1812. New York: Columbia University Press, 1964. 238 p.
9. *Cruikshank E.A.* The Political Adventures of John Henry. Toronto: The Macmillan Company, 1936.
10. *Egan C.L.* Neither Peace nor War: Franco-American Relations, 1803-1812. Baton Rouge, 1983.
11. Enquirer. 8.11.1811.
12. *Horseman R.* The Causes of the War of 1812. Philadelphia: Penn University Press, 1961.
13. Jefferson to Duane // Jefferson. Miscellaneous. Library of Congress.
14. *Kaplan L.* Entangling Alliances with None: Foreign Policy in the Age of Jefferson. Kent: The Kent University Press, 1987. 230 p.
15. *Ketcham R.* James Madison: A Biography. Charlottesville: University of Virginia Press, 1971. 753 p.
16. Letters of the Members of the Continental Congress / Ed. by E. Burnett. 8 vols. Washington, 1921-1936. Vol. 3.
17. *Madison J.* Letters and Other Writings of James Madison. Congressional Edition. Philadelphia, 1865. 4 vols.
18. Madison to Jefferson // James Madison. Miscellaneous. Library of Congress.
19. Monroe to John Taylor // James Madison Miscellaneous. Library of Congress of the United States.
20. National Intelligencer. 1812.
21. The Papers of James Madison / Ed. by W. Hutchinson. 11 vols. to date. Chicago, 1962-1977.
22. The Papers of Henry Clay, 1797-1852 / Ed. by J.F. Hopkins, M.W. Hargreaves, et al. Lexington: University of Kentucky, 1959-1992. 11 vols.
23. *Perkins B.* Prologue to War: England and the United States, 1805-1812. Berkeley: University of California Press, 1961. 457 p.
24. *Pratt J.* The Expansionists of 1812. New York: The Macmillan Company, 1925. 309 p.
25. Reporter. 2.11.1811.
26. The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776-1826 / Ed. by J.M. Smith. New York, 1995. 3 vols.
27. *Saul N.* Distant Friends. The United States and Russia, 1763-1867. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. 448 p.
28. *Smelser M.* The Democratic Republic. New York: Harper and Row Publishers, 1968. 369 p.
29. *Stuart R.C.* War and the American Thought: From the Revolution to the Monroe Doctrine. Kent: Kent State University Press, 1982.
30. The Virginia Argus. 5.04.1811, 21.05.1811.
31. The Warren-Adams Letters. Massachusetts Historical Society Collection. Boston, 1917. Vol. 72.
32. *Watts S.* The Republic Reborn: War and the Making of Liberal America. 1790-1820. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. 406 p.
33. The Weekly Register. 30.05.1811.
34. The Writings of James Madison / Ed. by G. Hunt. New York, 1906. 9 vols.
35. The Writings of John Quincy Adams / Ed. by W.C. Ford. New York, 1913-1917. 7 vols.
36. The Writings of Thomas Jefferson / Ed. by Lipscomb & Bergh. Washington, 1903-1904. 20 vols.